

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш

Заветный перстень

Серия «Со старинной полки»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465225*

Аннотация

«...Заветный перстень – это, как кажется, невнятный отзвук неразгаданной любви поэта, отрывок его неведомого романа. Что дошло до нас: рисунки пером, строгие и печальные профили женских головок в рабочих тетрадях Пушкина, немного записок, две-три пометки, старинные портреты и вот перстень...»

Иван Созонтович Лукаш

Заветный перстень

На горячих смуглых пальцах Пушкина колец не было. Но на известном портрете работы Тропинина на большом пальце правой руки поэта надет широкий темный перстень. И на другом портрете, работы Мазера, – тот же перстень на большом пальце левой руки.

Легенда пушкинского железного кольца стала легендой о величии и красоте русской словесности. Помню, я был еще гимназистом, когда слышал о том, что железный перстень, по тайному завещанию поэта, наденет только достойный преемник. И помню – об этом даже писали – перстень Пушкина перешел будто бы не только к Жуковскому и Тургеневу, но, миновав Достоевского, украсил и руку Толстого. По гимназической наивности своей я тогда размышлял: кто же теперь носит пушкинский перстень – Александр ли Блок, Леонид ли Андреев или, быть может, его носил Чехов...

Но другая история у пушкинского кольца – более тайная и более странная, чем эта легенда.

Заветный перстень – это, как кажется, невнятный отзвук неразгаданной любви поэта, отрывок его неведомого романа. Что дошло до нас: рисунки пером, строгие и печальные профили женских головок в рабочих тетрадах Пушкина, немного записок, две-три пометки, старинные портреты и вот пер-

стенъ...

В 1823 году Пушкин, жизнерадостный юноша, получил наконец разрешение от новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Воронцова перебраться из постылого Кишинева в Одессу. И в первых числах июля молодой поэт, сменив красную феску и архалук, который он носил в Кишиневе, на европейский сюртук и широкополую шляпу, беззаботно зазвенел своей железной тростью по белым от известковой пыли одесским мостовым.

Он радовался морю, веянию Европы, и он радостно ждал в Одессу своего друга Александра Раевского.

Дерибасовская улица только отстраивалась, но на углу ее и Преображенской уже высился белый дворец графа Воронцова. Тянулись одноэтажные низкие дома с белыми дорическими колонками. Ветер раздувал в открытых окнах кисейные занавески, как легкие белые флаги. Хлебные магазины, заборы, фонари и будочки, пехотные офицеры, провиантские чиновники, греки, бронзовые молдоване, турки в красных кушаках и фесках, негоцианты в соломенных круглых шляпах, облака белой пыли и мерное качанье корабельных мачт в гавани...

Был и театр, итальянская опера, Россини, в Ришельевском лицее печаталась иностранная газета «*Journal d'Odessa*», были кафе, рестораны, масонская ложа.

Молодой Пушкин, ссыльный чиновник генерал-губернаторской канцелярии, радостно окунулся в блеск и шум этой

жизни, пестрой и внутренней, как трепет цветных флажков на мачтах иностранных кораблей.

Он жил на углу Ришельевской, во втором этаже гостиницы Рено, занимая там угольный фас с балконом, откуда просторный вид на море. И сам он говорил о себе:

Я жил поэтом,

Без дров зимой, без дрожek летом...

И о веселом безденежье его еще в сороковых годах записан такой добродушный рассказ старого одесского извозчика. «Был тут в графской канцелярии один Пушкин. Бывало, больно задолжает. Возил его к морю. Придет на берег, посидит, походит час-полтора, потом назад. Вот возил его раз на дачу Рено. Следовало мне пять рублей. Говорит: «В другой раз отдам». Прошло с неделю. Выходит: «Вези на хутор Рено». Повез опять. Следовало уже десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил его и в третий. И опять в долг. Прошла неделя, прихожу я к нему на квартиру. Жил он в клубном доме, на втором этаже сверху, над магазином Мирабо. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему: «Ваше благородие, деньги пожалуйста». Как ругнет он меня да как бросится на меня с бритвой. Свирепый был. Я бежать, давай Бог ноги. Думаю себе: пропали деньги. Только раз утром гляжу – тут же и наша биржа – Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен. Прихожу и я: «На вот тебе по шести рублей за каждый

раз, да смотри впредь не совайся...»

А у Одесского театра были развалины старого дома. И на камнях и обломках колонн зрители в антрактах романтически лакомились мороженым из соседней ресторации. Может быть, тут впервые Пушкин и встретил Амалию Ризнич.

Ризнич, богатый негоциант из сербов, привез молодую жену из Вены. Была она полунемка, полуитальянка с примесью, быть может, и еврейской крови, пламенные глаза, белизна шеи, высокий рост, странный костюм амазонки... Словом, молодой Пушкин увлекся, и не он один. Соперник его, поляк Собаньский, которого звали в шутку князем Яблоновским, также не отходил от Ризнич.

Муж ее, умный серб, много позже рассказывал: «Пушкин страстно привязался к госпоже Ризнич. Пушкин увивался за нею точно котенок».

А брат поэта, Лев Сергеевич, уверяет, что Пушкин однажды «в бешенстве ревности пробежал пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем, под 35 градусами жары».

«Но госпожа Ризнич была к нему равнодушна», — много позже рассказывал ее муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.